

нальностей стали доступны русскому читателю благодаря работе Ю. Либединского — он был мастером художественного перевода.

Во вступительной статье-воспоминаниях под выразительным названием «Человек для людей» Н. Стальский высоко оценивает роль Ю. Либединского как организатора складывающейся советской литературы, борца за ее идейность и высокое мастерство. «Четкая партийная линия в литературе — вот чего он добивался, вот за что боролся со всей страстностью и непримиримостью», — пишет он (стр. 7). В статьях, помещенных в последнем сборнике, Ю. Либединский снова и снова утверждает, что «литература — прежде всего учитель жизни, совесть народа» (стр. 89), что она «не только отражение жизни, но и оружие в борьбе за ее преобразование» (стр. 87). Подобного рода высказывания сегодня воспринимаются как бесспорные. Многие из них стали общепринятыми эстетическими нормами. Но Ю. Либединский не просто повторяет общеизвестное, а последо-

вательно развивает свои идейно-эстетические взгляды, за которые он мужественно боролся в сложной обстановке 20-х годов, оказывая значительное влияние на других литераторов.

В связи с этим не совсем понятно, почему составители сборника во все разделы книги включили преимущественно статьи последних лет. Между тем такие работы Ю. Либединского, как «Классовое и групповое» (1923), «К вопросу о личности художника» (1924), «Как пишется художественная литература», «О рабочем писательстве» (1926) и другие, опубликованные в различных журналах 20-х годов, представляют интерес и сейчас. Рядом с изданными недавно литературно-критическими выступлениями А. Селивановского, А. Воронского, В. Киршона они помогли бы воспроизвести более полную картину литературной жизни страны первого послереволюционного десятилетия.

А. КОРОКОТИНА

г. Томск

ПОЛВЕКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ *

Судьба писателя Боборыкина по своему трагична. Прожив долгую жизнь (1836—1921), он более чем за шестьдесят лет написал не менее ста томов романов, рассказов, пьес, очерков, корреспонденций, историко-литературных работ и мемуаров. Тем не менее история отвела ему в литературе более чем скромное место. Количество им написанного совсем не-

пропорционально качеству. Растянутые, перегруженные массой второстепенных деталей, его произведения не вызывали симпатии и сочувствия ни у Тургенева, ни (особенно) у Салтыкова, который саркастически замечал, что этот писатель может «наполнить собой вселенную» и что терпеть его в «Отечественных записках» можно лишь «при умеренном употреблении».

Боборыкин постоянно откликался на события современности, но, не смотря на отдельные верные оценки, он не стал «учителем молодого поколения», а фельетоны «Петра Неска-

* П. Д. Боборыкин, Воспоминания в двух томах. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Э. Виленской и Л. Ройтберг, «Художественная литература», М. 1965. Т. 1, 567 стр.; т. 2, 670 стр.

жусь» в «Библиотеке для чтения» не вызывали у современников и потомков ничего, кроме брезгливости.

Боборыкин всегда оставался свидетелем, а не участником событий, зрителем, а не деятелем. Но эпоха, в которую он писал, требовала не наблюдения, а действия. Во вступительной статье к новому изданию его воспоминаний Э. Виленской и Л. Ройтберг дана совершенно правильная оценка наследия писателя. Авторы очень точно замечают, что, «стараясь избежать односторонности, тенденциозности, опасаясь сгущения тех или иных красок, Боборыкин впадал в другую крайность: он накладывал черные и розовые тона в равной пропорции, что зачастую мешало увидеть людей в истинном свете. Желая дать всестороннее освещение событий, автор по существу лишь искусственно уравнивал отрицательное с положительным» (т. 1, стр. 32).

Идеологически нейтральные, оппортунистические по духу, его произведения стяжали автору не до конца заслуженное им наименование представителя русского натурализма. У сегодняшнего читателя имя этого полузабытого писателя не вызовет прочных ассоциаций: в советское время, кроме романа «Китай-город», ничего не переиздавалось.

Если не считать сокращенного выпуска книги «За полвека» (1929), не переиздавались и его мемуары. Но как бы ни оценивать художественный метод Боборыкина и его место в истории русской литературы, воспоминания писателя заслуживают внимания современного читателя.

Двухтомник, изданный в серии «Литературные мемуары», скомпонован очень умело; в нем представлено все наиболее существенное из мемуарного наследия Боборыкина. Впрочем, составители отмечают, что «об-

ширное мемуарное наследие писателя выявлено далеко не полностью»; в частности, до сих пор остается обнаруженной его автобиография — «Итоги писателя», — написанная в 900-х годах по просьбе С. Венгерова.

В издание включена упомянутая выше книга «За полвека» — она занимает весь первый том и часть второго; две важные главы этой книги (восьмая и девятая) полностью здесь напечатаны впервые. Кроме того, перепечатаны отдельные части книги «Столицы мира» и двенадцать мемуарных очерков — о Герцене, Гончарове, Тургеневе, Льве Толстом, Салтыкове, Писемском, А. Г. Рубинштейне, Ренане и др.

Более или менее подробно автор останавливается на таких значительнейших событиях эпохи, как Брюссельский конгресс Первого Интернационала, движение Гарибальди, Парижская коммуна. Читатель найдет в воспоминаниях многочисленные суждения о театре и науке второй половины XIX века, о студенческой жизни и университетских порядках и т. д. Весь материал тщательно сверен с первоисточниками.

Особенно ответственную часть издания составляют примечания. Воспоминания изобилуют неточностями — вольными и невольными: перед нами и провалы памяти, и определенная система отбора и интерпретации. Трудоемкая проверка и уточнения редактора должны восстановить подлинное соотношение фактов с их мемуарной трактовкой.

Комментарии к рецензируемому изданию обширны (с указателем имен более 170 страниц петита) и, в общем, выполняют свою задачу. Однако в этой части есть и некоторые недочеты: иные места остались неразъясненными, хотя найти нужную справку было не слишком сложно; в

других случаях примечания нуждаются в уточнении.

Приведем некоторые примеры.

Нужно было раскрыть «Л-на» — учителя Нижегородской гимназии И. О. Лашина — помощника Даля в его словарной работе (т. 1, стр. 123; см: «Адрес-календарь...», СПб. 1854, ч. 1, стр. 195). Евстафий Бернарнский никогда не был иллюстратором «Тарантаса» В. А. Соллогуба, он лишь гравировал рисунки Г. Г. Гагарина (т. 1, стр. 395). Студент, которого судили за растрату денег, — Н. Т. Бутчик (т. 1, стр. 245; см. Л. Пантелеев, Воспоминания, Гослитиздат, М. 1958, стр. 156—159). Иск Полины Виардо к наследникам Тургенева подробно освещен в недавней статье М. Арзумановой «Завещание И. С. Тургенева» в сборнике: «И. С. Тургенев. 1818—1883—1958», Орел, 1960 (ср. т. 2, стр. 396). О французских приятелях Тургенева, которые рассердились на него (после его смерти!) за отзывы о них (т. 2, стр. 409), материал можно найти, например, в недавнем издании «Дневника» Эдмона и Жюля де Гонкуров (т. 2, «Художественная литература», М. 1964, стр. 428—430). Химик и финансист «Т-ров» (т. 2, стр. 156), конечно, Н. И. Тавильдаров.

«Знаменитый Н. И. С-щев, только недавно умерший» (т. 2, стр. 164), — Н. Н. Сущев (1830—1908; в тексте опечатка в инициале отчества). «Б-вин» — сын председателя палаты уголовного суда Нижегородской губернии (т. 1, стр. 82) — легко определяется по «Адрес-календарю...» (1854, ч. 2, стр. 92) как Бравин. Се-

ло «Ш-во» Нижегородской губернии, возле Обуховки (т. 1, стр. 241) трудно найти на карте или в списке населенных мест — Шутилово.

В одном случае пропуск более существен. Боборыкин пишет (т. 1, стр. 271) о дяде гр. Е. П. Ростопчиной, написавшем какую-то пьесу с заглавием вроде «Волшебный какаду». Комментаторы справедливо указывают, что среди произведений Н. В. Сушкова ничего подобного нет (т. 1, стр. 539—540). Речь, очевидно, идет о пьесе «Волшебное кокорикку, или Бабушкина курочка» — переводе французского водевиля, осуществленном в 1842 году Н. А. Некрасовым и И. Ш. (И. А. Шамаевым?). Водевиль этот шел на московской сцене в 1842—1844 и в 1856 году и вызвал сочувственные отзывы «Отечественных записок» и «Литературной газеты». Рукопись была найдена в 1929 году, а опубликован водевиль был лишь в 1950 году, в четвертом томе Полного собрания сочинений и писем Некрасова. Примечательно, что списки этого водевиля были широко распространены: так, 28 февраля 1850 года водевиль читал в Нижнем Новгороде 14-летний Добролюбов (см.: С. А. Рейсер, Добролюбов в Нижнем Новгороде, Горьковское книжное изд-во, 1961, стр. 85 и 155).

Можно встретить другие пропуски и неточности, а также досадные опечатки в инициалах, но, несмотря на эти мелкие погрешности, издание воспоминаний Боборыкина — нужное и полезное дело.

С. РЕЙСЕР

г. Ленинград